

ДАВИД ПИНЕДА

Переключение кодов или «смешанный лект»?

Введение

Сельское поселение Ловозеро, по-саамски *Луяввьр*, находится в центре Кольского полуострова. Первое упоминание этого поселения относится к 1574 году. Село расположено на обоих берегах реки Вирма. Коренное население — саамы, с начала XX столетия туда же переселились коми-ижемцы из Большеземельской тундры, способ оленеводства которых был более интенсивный. С тридцатых годов в деревне стали селиться и люди других национальностей, в том числе много русских. В Ловозере сейчас живут примерно 3100 жителей, преобладает русский язык. В селе Краснощелье, в том же районе, язык коми еще выполняет многие функции, и местные саамы «обижемели».

Несмотря на то, что большая часть жителей Ловозере — саамы и коми, русский язык доминирует; саамский (в основном кильдинский вариант) и коми-ижемский не видны и их редко можно услышать на улице. Большинство саамов свободно владеет русским языком, а некоторые и коми языком.

В тридцатые годы существовал письменный саамский язык, созданный на основе латиницы, издавались учебники, буквари, книги для чтения. В 38-м году этот письменный язык перешёл на кириллицу, а после расстрела части саамской интеллигенции во время сталинских репрессий, письменный язык перестал использоваться. В восьмидесятые годы снова был создан письменный язык, в этот раз на основе кильдинского варианта, и на кириллице. В этой статье цитаты даются в основном в официальной орфографии, по словарю Г. М. Керта.

Коллектив из Университета г. Тромсё провел несколько экспедиций в Ловозеро, во время которых записывался материал как на русском, так и на саамском языках. При этом поддерживается

сотрудничество с коллегами из Германии, которые ведут документационные работы в рамках проекта KSDP.¹ В нашем материале встречается много переключения кодов (ПК) с одного языка на другой и много заимствований из русского в саамский.

Подходы к «проблеме» ПК

К изучению ПК существуют разные подходы:

1. Во-первых, на *микро-уровне*. Основной вопрос заключается в том, существуют ли *синтаксические* ограничения (constraints) в употреблении ПК внутри предложения или фразы. Представители этого подхода: С. Myers-Scotton, Р. Muysken;
2. Во-вторых, на *макро-уровне*. Это *социолингвистический* подход, в котором обсуждаются такие вопросы как: при каких обстоятельствах в обществе возможно ПК? Какие бывают отношения между языками, участвующими в ПК? Связан ли ПК с неравным статусом языков, с маркированностью определённого языка в разных разговорных контекстах, с выражением своей этнической идентичности и т.п. Представители этого подхода: М. Heller, С. Myers-Scotton, J. Gumperz;
3. В-третьих, то, что можно называть «*промежуточный*» уровень. Главный вопрос здесь: какую роль играет ПК в *структурировании* разговора и в его контекстуализации? Некоторые представители этого направления: Р. Auer, Li Wei. Настоящая статья ориентируется на этот подход.

Контекстуализация

В работе П. Ауэра важную роль играет понятие «контекстуализация»: ПК играет важную роль в структурировании разговора из-за контрастирующей силы употребления двух языков. При этом контраст может иметь разные функции: *дискурсивную функцию*, которая «контекстуализирует» определённый фрагмент

¹ См. сайт проекта: <http://www2.hu-berlin.de/ksdp/>

разговора, и ПК, связанное с *составом участников разговора* (participant-related code-switching). Последняя функция важна, например, когда один из участников плохо владеет одним из используемых языков.

Что касается контекстуализирующей функции ПК, то, по мнению П. Ауэра, ПК дает *контекстуализирующие знаки* (cues), которые отсылают к контексту разговора, и для которых характерно, что они, во-первых, не имеют референциального значения, как лексические единицы — они действуют через процесс инференции; во-вторых, их можно интерпретировать на основе контраста, то есть употребление другого языка обозначает изменение в контексте, «непохожесть», «отличие» следующего фрагмента, и этим меняет т. наз. «футинг» (термин Гоффмана) — «основу», «стиль» или «настроение» разговора. В-третьих, ПК часто сопровождается другими контекстуализирующими знаками, например, интонационными, которые предоставляют избыточную информацию о том, что здесь меняется «футинг», и дает дополнительное доказательство, что здесь меняется контекст.

Разные типы «смешанного языка»

В статье, опубликованной в 1999 г., П. Ауэр различает три типа смешения языков:

1. Первый тип — *переключение кодов в узком смысле*, которое имеет т. наз. «местное значение», т. е. может служить для контекстуализации фрагмента. ПК в узком смысле происходит на месте смены коммуникативных ролей или на границе предложения;
2. Второй тип — т. наз. *смешение языков*, при котором трудно определить, на каком языке говорят в данный момент. Употребление разных языков уже не контекстуализирует фрагменты, поскольку переходы могут происходить на уровнях ниже предложения. Смешение языков может иметь более «глобальное» значение, т. е. может отсылать к предварительным знаниям, к этнической идентичности говорящих, и т. п.;

3. Третий тип — «*слитый лект*», он же «*смешанный код*»: здесь речь идет о довольно стабильном варианте смешанного языка, в котором есть мало вариации. В таком смысле можно сказать, что иноязычные элементы уже можно считать «заимствованиями». В этом стиле определённые категории слов, как например, союзы, дискурсивные показатели и определённые наречия, модифицирующие высказывания (*utterance modifiers*), происходят из одного и того же языка. Но чаще всего заимствуются числительные.

Ниже мы вернёмся к этим типам смешанных языков.

ПК или заимствование?

Здесь мы сталкиваемся с важным теоретическим вопросом: где пролегает граница между заимствованием и ПК? Когда речь идет о фрагментах, длиннее, чем одно слово, этот вопрос не является проблематичным, т. к. такие фрагменты обычно считаются переключениями. Однако, когда одно слово языка А «застряло» в среде языка Б, возникает вопрос, имеем ли дело с очень коротким переключением с языка Б на язык А и обратно, или надо считать слово заимствованием? Некоторые исследователи, напр. S. Poplack, выделяют специальную категорию «заимствование для данного случая» («*nonce borrowing*») от ПК (= более одного слова) и от укореневшегося заимствования («*established borrowing*»). Другие исследователи, наоборот, не видят оснований различать «заимствование для данного случая» и ПК, считая первое примером либо инсертационного типа ПК (P. Muysken), либо вставленного слова («*embedded word*», C. Myers-Scotton).

Чтобы различать заимствования и ПК, употребляются разные критерии, например:

- Есть ли *дискурсивная функция* у вставленного слова или нет? (Muysken);
- Приспособлено ли слово *фонологически* (Muysken, Myers-Scotton), или *морфологически* (Muysken, Sankoff & Poplack) к окружающему языку. Примеры из кильдинского (из словаря

Керта): *ка́рндаши* (карандаш), *мо́аркэфь* (морковь), *рисовайе* (рисовать), где, например, ударение перенесено на первый слог, в соответствии с саамской фонологией;

- Заимствования редко состоят из *более чем одного слова*, т.е. не заимствуются выражения или фразеологизмы.
- Находится ли слово в *ментальном лексиконе* у носителей заимствующего языка? В таком случае оно часто зафиксировано в словаре, если существует для данного языка.

В итоге можно сказать, что очень трудно найти надёжные критерии для различения заимствований и ПК. Скорее всего, мы имеем дело с континуумом явлений, где фиксирование в словаре является последней стадией развития.

Есть ли в кильдинском языке «слитый лект»?

Вернёмся к подразделению П. Ауэра: можно ли сказать, что кильдинский язык имеет свой «слитый лект»? Если мы смотрим на записанные материалы, то можно утверждать, что зафиксированы многие признаки того, что П. Ауэр связывает с понятием «слитого лекта»: в кильдиноязычном материале встречаются:

1. *Дискурсивные показатели* из русского: *вот, вот и* (наравне с коренным *тэль*), *дак, вообще, ну, же*;
2. Преобладают *союзы* из русского (хотя и есть коренной союз «я»): *а, и, но, эле (= или), что, чтоб*;
3. Преобладают *модификаторы высказывания* из русского: *тоже, потом, особенно, сначала, беда (= очень), конечно, может, типа, только, ведь, всё* (в значении «конец»), *значит, слишком, якобы, наверно, сразу, уже, как-будто, вроде бы, не то что, в основном-то, ну ладно, хоть, даже, и, наверное*, многие другие.
4. Употребляются многие русские *числительные*, особенно выше числа 7.

Итак, можно сказать, что язык большей части наших записей на самом деле представляет собой «слитый лект» кильдинского и

русского. Но, кроме этого слитого лекта, имеются также такие фрагменты, где действительно происходит «переключение» со слитого лекта на русский, либо в форме коротких «вставок» русского в кильдинский, либо путём настоящего перехода с одного языка на другой, в последнем случае выделяется тот или иной фрагмент разговора.

«Смешение языков»

В следующем примере видно, до какой степени можно смешивать русский и кильдинский. В этом фрагменте трудно сказать, на каком языке говорит наш информант. Здесь нет настоящего языка-матрицы. Это пример того, что Ауэр называет «смешение языков», при котором переходы уже не имеют значения для структурирования разговора. Во всех примерах русский текст выделяется курсивом.

Ну, понимаю, ну, тэль, нимэ́нн не хочется лыххкэ, никэ́нн уйнэ, даже сáррнэ эгк выж. Тэ́нн мунн не отрицаю.

«Ну, понимаю, ну, вот, ничего не хочется делать, никого не видеть, даже говорить не хочется. Этого я не отрицаю.» (L26H7_01_10)

Ниже приводятся некоторые примеры «смешения языков», где это смешение может иметь значение, но не структурирует разговор. В этом примере русское слово «займёшься», возможно, употребляется просто потому, что говорящий не знает саамского слова:

Ну ладно, тэ́йн займёшься тóнн ля́йй.

«Ну ладно, этим займёшься ты было.» (L26H7_01_08)

В следующем примере информант перешла с кильдинского на русский, переключение, возможно, было спровоцировано выражениями «греческий нос» и «серо-голубые».

Как бы греческий нос да вот, и серо-голубые серо-голубые чáльм.

«Как бы греческий нос да вот, и серо-голубые серо-голубые

глаза.» (L26H7_01_02)

В некоторых случаях, информант также сообщает о том, что будет говорить на русском, например, в этом примере:

Зависит, рӯшас цѣлдьке.

«Зависит, по-русски говоря.» (L26H7_01_08)

Или в следующем примере:

Вот по-русски говоря: он совершенно непрактичный.
(L26H7_01_26)

В следующем фрагменте мы видим очень смешанный язык. Можно полагать, что большая часть русскоязычного материала состоит из заимствований, дополняющих саамскую лексику, поскольку у них саамская морфология. Однако некоторые из них сохраняют русскую морфологию: «и в школу», «девятый класс».

*Нй̄т пугк куес̄т, п̄рна пугк уйт̄н̄ь, мунн̄ о̄ххт̄э интернат̄эс̄т
о̄хпнувве. Там̄пе м̄нн-лянч̄ янна адженант. И в школу в шко...
т̄нн интернат̄э девятый класс̄ ёадт̄ школне. Ну там̄пе и
форма быдт̄ и всякое ну т̄эдт̄ причиндалы барахло т̄эдт̄.*

«Девушки все замужем, ребята все ушли, я одна училась в интернате. Там что-то мама с папой. И в школу в шко... она пошла в интернат девятый класс в школу. Ну там и форма нужна и всякое ну этот причиндалы барахло этот.»
(L26H7_01_14)

Интересно, что в некоторых случаях вставляются русские глаголы движения, может быть, потому что русская система глаголов движения, с ее различием на однонаправленные и неоднаправленные глаголы, не совпадает с саамской системой:

Пришагаешь. (L21H7_01_09, 2'33")

Ездили выййев.

«Ездили ездили.» (L21H7_01_10, 1'49")

В категории «смешение языков» мы тоже встречаем многие заимствованные выражения:

Это послевоенный тиражный выпуск. (L26H7_01_01)

А к̄гк лев уже цапнули, как говорится.

«А кто были уже цапнули, как говорится.» (L26H7_01_04)

Или «общие цитаты» или ссылки на русскую культуру:

И как к̄ххт адтъ с̄ррнэв «тётя не горюй».

«И как как сейчас говорят «тётя не горюй.»» (L26H7_01_09)

Ну или к̄ххт адтъе культурно ц̄дл̄дке «депрессия».

«Ну или как сейчас культурно говорить «депрессия.»» (L26H7_01_10)

Встречаются и любимые выражения информантов, как например:

Полный караул. (L26H7_01_20)

При анализе такого «смешения языков», произведенном на некоторых фрагментах разных информантов, мы видим разные категории русскоязычного материала. Посмотрим, какие именно слова вставляются при смешении языков:

- Существительные, например *армия, зарплата, гены; мысль, сутками*; первые слова выполняют пробелы в кильдинской лексике (*армия* и *гены*, кстати, тоже в русском). Слово *сутками* здесь скорее всего употребляется в качестве наречия.
- Наречия, не только входящие в категорию «модификатора высказывания»: *правильно, сейчас, мирно, отдельно, неизвестно, точно*;
- Числительные, особенно сложные: *двенадцать, девяносто два*;²

² В кильдинском языке существует полный ряд числительных. В наших записях, однако, сложные числительные типа *двенадцать* или *двадцать два* почти не

- Русские глаголы в русской морфологической форме: *не танцевал, не понимаю, пересилила, назывался*; Эта категория особенно интересна. У одного из информантов (L21) большая часть переходов на русский приходится именно на глаголы.
- Словосочетания. Среди них встречаются сочетания предлога с существительным, прилагательного с существительным, местоимения с глаголом (в безличных конструкциях): *не только что, на загадках, взрослый человек, добрые отношения, в Ленинград, вечерней школасът, мне кажется/нравится/хочется*; Некоторые из них представляют собой более или менее устойчивые выражения или фразеологизмы на русском, что объясняет их использование в саамских фрагментах.

Интересно, почему речь некоторых информантов включает так много русских глаголов в неприспособленной с точки зрения морфологии форме. При просмотре саамских словарей, как например словарь Р. Куруч, встречается сравнительно мало глаголов, заимствованных из русского и приспособленных к кильдинской фонологии. В наших записях обнаружены глаголы *чисстэ* (чистить), *чиннэ* (чинить), *куррэ* (курить) и *снимнэ* (снимать [видеокамерой]). Можно предположить, что различия между глагольными категориями, в особенности между кильдинским и русским способами отрицания, усложняют адаптацию русских глаголов; в материале не встречаются смешанные сочетания отрицания и глагола типа **не сārна* или **эмм говорю*.³ Другое объяснение встречается в работе А.Ю. Русакова о переключении кодов между цыганском и русским: автор указывает на тот факт, что из-за морфонологических изменений и переноса ударения (напр. *сказáть ~ скáжешь, люблю́ ~ любíшь*), часто трудно найти основу

встречаются, зато зафиксированы формы *пēльль-чӯдть* (50), *чӯдть* (100), *тоāфант* (1000). Год рождения и возраст почти всегда даются на русском.

³На кильдинском языке, как и во всех саамских и прибалтийско-финских языках, при отрицании склоняется не глагол, а отрицательное слово. Глагол при этом остается в специальной «отрицательной форме», совпадающей в настоящем времени с повелительной формой, в прошедшем времени с причастием.

русского глагола, которая может служить основой цыганского глагола. Это, конечно, касается и кильдинского языка.

«Переключение кодов в узком смысле»: Change of footing?

Далее мы рассмотрим некоторые примеры «переключения кодов в узком смысле» в речи одного из наших информантов, L26. Переходы на русский язык часто сопровождаются другими контекстуализирующими знаками, напр., паузами, изменениями громкости, темпа или интонации. Стиль русской речи часто более формальный.

Во фрагменте, предшествующем следующему примеру, информант описывает питьё среди саамов. В этом фрагменте она ставит питьё в другую перспективу: в медицинскую. После этого, она возвращается к старому плану, и продолжает по-саамски. Перед переходом на русский она делает паузу (отмеченную знаком #). Фрагмент «потому что у нас ... женщин» произносится скандированной речью.

А то югкень о-о. И мыйй шйгтэнне коацькэмь тэнн пёрк ырпэмь. # Мй лй скрывать? # Потому что тэгк все коренные народности севера малые национальности они очень быстро спиваются # потому что у нас в организме нет такого фермента который расщепляет алкоголь и выводит с организма. У нас нет его и потому идёт быстрое спаивание особенно женщин. А у женщин объясняется очень просто: менструальный цикл. # Вот мунн эмм тед кōххт с̄амас пугк объяснить р̄шас с̄арна, вот #. И югкень пугк кэрсэннэ югкень. «А то пили о-о. И мы хорошо кусали эту еду жрали. Что есть скрывать? Потому что тэгк все коренные народности севера малые национальности они очень быстро спиваются потому что у нас в организме нет такого фермента который расщепляет алкоголь и выводит с организма. У нас нет его и потому идёт быстрое спаивание особенно женщин. А у женщин объясняется очень просто: менструальный цикл. Вот я не знаю как по-саамски всё объяснить по-русски говорю. И пили всё крепко пили.» (L26H7_01_11)

После короткой паузы она кратко возвращается к теме алкоголизма на более общем плане, рассматривая его как «общественную проблему»: это тоже по-русски. Русский фрагмент тоже заканчивается паузой:

Можно сказать вуай цѣлдѣке что э-э # нация как бы целенаправленно спаивалась #.

«Можно сказать можно сказать что э-э нация как бы целенаправленно спаивалась.» (L26H7_01_11)

В следующем фрагменте, информант говорит о том, как семьи в Ловозере отмечали возвращение мужчин из тундры и потом сильно выпивали. Дети радовались возвращению отцов, но одновременно боялись питья. Потом, после паузы, информант переходит на русский и делает выводы на более высоком плане о том, как взрослые забывают детские переживания и сами начинают выпивать. При переходе на русский информант вздыхает. Русский фрагмент характеризуется сравнительно ровной интонацией, без «пиков»:

Тэдт й̄жя-дэт в детстве тэдт с̄аррнэв тэль адть вьйсэв ч̄арэсьт олм. Касьт р̄оаммшадак, касьт суркнак. А югкмушш л̄и югкмушш. # Страшно то, по-русски говоря, страшно то что мы вот такие детские переживания, детские вот эти взгляды на пьяный образ жизни, на пьяных родителей мы забываем когда мы сами начинаем выпивать и что самое страшное что первая стопка-то идёт из дома. Да.

«Это сами-то в детстве это говорят вот сейчас подъедут из тундры люди. Где обрадуешься, где испугаешься. А пьянка есть пьянка. Страшно то, по-русски говоря, страшно то что мы вот такие детские переживания, детские вот эти взгляды на пьяный образ жизни, на пьяных родителей мы забываем когда мы сами начинаем выпивать и что самое страшное что первая стопка-то идёт из дома. Да.» (L26H7_01_14)

Перед заключительным словом «да», информант ритмически стучит по столу неизвестным предметом. Потом она вдруг переходит на саамский и начинает, совсем другим тоном, говорить о начале ее

рабочей жизни:

А вот р̄б̄хэ айкалт ёадт̄е.

«А вот работать рано пошла». (L26H7_01_14)

Только потом становится ясно, какая существует связь между фрагментом об алкоголизме и фрагментом о рабочей жизни: она вспоминает о том, как она, возвращаясь с работы, застала отца с другом, которые предложили ей выпить и сказали, что она, как взрослый человек, имеет право выпивать:

Если т̄онн робхушак уже т̄онн полноправный, на равных правах со взрослыми вуаях югкэ. # Вот такая ... вот можно сказать по-русски дикая психология была, да дикая психология.

«Если ты работаешь уже ты полноправный, на равных правах со взрослыми можешь пить. Вот такая ...» (L26H7_01_15)

В начале фрагмента язык-матрица — саамский. В этой части фрагмента информант цитирует отца, и интонация — эмоциональна, с высокими пиками. После паузы она переходит на русский, чтобы комментировать такое поведение: это она делает более ровным голосом, менее громко и более быстрым темпом.

На вопрос, где она работала, информант отвечает по-саамски. Но когда она говорит о ревности мужа, который запретил ей продолжать работать в столовой, она, после короткой паузы, переходит на русский, комментируя болезненный характер его ревности. Этот русский фрагмент отличается более ровным тоном:

К̄аллесь л̄яйй беда луэвчатэй # ревнивый до безобразия, до безумия, просто это было уже не ревность, это было по-моему болезнь, как вот ребята мои говорят значит, врачи это говорит: он был больной человек, у него была вялотекущая шизофрения. Вот все симптомы.

«Муж был очень ревнивый,» (L26H7_01_15)

После этого, когда она возвращается к теме рабочей жизни, она переходит на «смешение языков» из саамского и русского:

Ну потом ещё мунн перешла вот в детский дом # там прямо вот так рядом, талльва тапочкагуэйм рѳбхэ вѳдже.

«Ну потом ещё я перешла вот в детский дом, там прямо вот так рядом, зимой на тапочках работать бегала.» (L26H7_01_15)

Информант говорит о работе в детдоме и о детях там на смеси кильдинского со многими русскими заимствованиями. Когда она описывает определённый случай с одним из детей, делает паузу и потом делает вывод на русском:

С̄арна с̄ѳст к̄эжя м̄энн т̄ѳнн лыгкак # а с̄ѳнн тараканэть шылл я поарр # Вот разве нормально # польный по... полный полностью дебилизм # дауны #

«Говорю у неё спрашиваю что ты делаешь, а она тараканов ловит и ест. Вот разве ...» (L26H7_01_16)

Следующий фрагмент взят из материала, предоставленного нам сотрудниками проекта Kola Saami Documentation Project (file 16609). Во фрагменте информант рассказывает о том, как раньше пошли люди выпивать у Узкого озера (Кеньцесьъявр). Он начинает по-саамски, рассказывая, что попали на озеро. Потом следуют объяснения того, где находится это озеро — эти объяснения происходят «в скобках», как показывает интонация. Потом случаются «фальстарты» (*про- покупали а леко штоф а прихо-*), после чего начинается описание событий на озере: информант переходит на русский, переходит с прошедшего времени глагола на настоящее и меняет интонацию на интонацию «перечисления»:

Яввра кэхчень, а сыййт л̄ӣ нымьпбельт я̄ввр к̄илт я̄вввр к̄илт сыййт, Кеньцесь я̄вввр назывался, вот, Кеньцесь я̄ввра кэхчень, водка штофэгуэйм л̄я̄йй, про-... покупали, а леко [?] штоф а прихо-... вот развязывает сани, вынимает штопор, снимает колокол с передового > русский

«Попали в озеро, а есть деревня на другой стороне озера, кильдинское озеро кильдинская деревня, Узкое озеро назывался, вот, попали в Узкое озеро, водка штофами была, про-... покупали, а леко [легко?] штоф а прихо-... вот

развязывает ...» > русский (Запись KSDP 16609, 6'03")

«Переключение кодов в узком смысле»: Цитаты?

В материале тоже встречаются примеры перехода с одного языка на другой, чтобы выделять цитаты. Здесь важна контрастная сила перехода на другой язык: это не обязательно значит, что это язык подлинного высказывания. В этом фрагменте информант критикует отношение не-саамов в Ловозере, которые видят, как возвращаются саамы-оленоводы из тундры и после долгого времени без алкоголя сильно выпивают. Не-саамы критикуют тундровых саамов, хотя они, может быть, сами «под одеялом» выпивают. Цитата на русском языке произносится специальным хриплым голосом, может быть в подражание русским жителям Ловозера:

Мыйй сыйй м̄нэть ев уйн, мыйй ч̄рэсьт тэль пелль ы́ке ч̄рэсьт л̄ббь, мыйй к̄ххт вот тэль пуэдтэп̄ь с̄амь это ч̄р народт *особенно # всё, лопари приехали пьяницы приехали*, а сийй же й̄жесь ев уйн с̄онн т̄он с̄онн *каждый п̄ййв тамьпе может под под одеялом ы́ррпэв*.

«Мы они нас не видят, мы в тундре вот полгода в тундре находимся, мы как вот вот приедем саамы это тундровый народ особенно: всё, лопари приехали пьяницы приехали, а они же себя не видят он тебя он каждый день там может под одеялом выпивает.» (L26H7_01_13)

В последнем примере наш информант не переходит на контрастирующий язык, а продолжает говорить по-саамски. Это особенно интересно, потому что здесь цитируется местный священник, который вряд ли сказал это по-саамски:

*Господи ****, с̄аррн, к̄ххт ше т̄он с̄аррн иммель т̄он ш̄обабшт и к̄ххт с̄онн т̄он пыннь.

«Господи ***, говорит, как же тебя говорит бог тебя любит и как он тебя бережет.» (L26H7_01_02)

Заключение

Хотя на данный момент проанализирована только небольшая часть записей, можно сказать, что выделение П. Ауэром разных типов смешения кодов применимо к нашему материалу: мы видим, что главная часть разговора происходит на «слитом лекте» кильдинского языка, где многочисленные заимствования из русского не играют роли в структурировании разговора. Эти переходы чаще всего сопровождаются другими контекстуализирующими знаками, такими как паузы и перемены в интенсивности, интонации, темпе речи. Есть «смещение языков», где употребление русского может иметь какое-нибудь (символическое) значение, но не структурирует разговор. Проблема здесь — определить, какую именно роль играют эти переходы на русский. Часто речь, наверное, идет о ссылках на русскую культуру, о лексике, отсутствующей или малоупотребительной в саамском языке, или о выражениях из русского, которые особенно нравятся говорящим. Последняя категория — «переключение кодов», может своей контрастирующей силой иметь значение «перемены основания, футинга, настроения» разговора, а также отделяет фрагмент от предыдущих и следующих или обозначает цитаты.

Можно полагать, что существуют большие индивидуальные различия в употреблении ПК: при анализе речи другого информанта (L21) встретилось очень немного примеров употребления ПК для изменения футинга; у него ПК в основном служило для вставления русских глаголов в саамскую речь и для цитат.

Наверное, при дальнейшем анализе материала встретится больше категорий такого употребления контрастной силы ПК.

Библиография

- Auer, Peter. Introduction: John Gumperz' Approach to Contextualization. In: Peter Auer & Aldo di Luzio (ed.), *The Contextualization of Language*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1992.
- Auer, Peter. The pragmatics of code-switching: a sequential approach. In: Lesley Milroy & Pieter Muysken (ed.), *One speaker, two languages. Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.

- Auer, Peter. Introduction: Bilingual Conversation Revisited. In: Peter Auer (ed.), *Code-Switching in Conversation*. London: Routledge, 1998.
- Auer, Peter. From codeswitching via language mixing to fused lects: Toward a dynamic typology of bilingual speech. In: *The International journal of bilingualism*. Vol. 3, nr. 4. London, 1999.
- Goffman, Erving. Footing. Переизданный в: *Communication theories: critical concepts in media and cultural studies*. Vol. 2. Edited by Paul Cobley. London: Routledge, 2006.
- Gumperz, John J. *Discourse strategies*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
- Heller, Monica. Code-switching and the politics of language. In: Lesley Milroy & Pieter Muysken (ed.), *One speaker, two languages. Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Milroy, Lesley & Li Wei. A social network approach to code-switching: the example of a bilingual community in Britain. In: Lesley Milroy & Pieter Muysken (ed.), *One speaker, two languages. Cross-disciplinary perspectives on code-switching*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Muysken, Pieter. *Bilingual Speech. A Typology of Code-Mixing*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
- Myers-Scotton, Carol. Code-switching as indexical of social negotiations. B: M. Heller (ed.), *Codeswitching*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1988.
- Myers-Scotton, Carol. *Social Motivations for Codeswitching. Evidence from Africa*. Oxford: Clarendon Press, 1993.
- Myers-Scotton, Carol. *Multiple Voices. An Introduction to Bilingualism*. Oxford: Blackwell, 2006.
- Poplack, Shana. Sometimes I'll start a sentence in Spanish Y TERMINO EN ESPAÑOL: toward a typology of code-switching. In: *Linguistics*, No. 18. The Hague, 1980.
- Rusakov, Aleksandr Yu. The North Russian Romani Dialect: Interference and Code Switching. B: Östen Dahl & Maria Koptjevskaja-Tamm (ed.), *The Circum-Baltic languages: typology and contact. Studies in language companion vol. 54*. Amsterdam: John Benjamin, 2001.
- Sankoff, Gillian. Linguistic Outcomes of Language Contact. In: J.K. Chambers, Peter Trudgill & Natalie Schilling-Estes (ed.), *The Handbook of Language Variation and Change*. Oxford: Blackwell, 2002.

- Керт, Г.М. Словарь саамско-русский и русско-саамский: пособие для учащихся начальной школы. Ленинград: Просвещение, 1986.
- Куруч, Р.Д. Саамско-русский словарь — С̄амь-р̄ӯшш соакн̄э̄х̄ь. Москва: Р̄ӯшш к̄й̄лл, 1985.

Summary: Code switching or “mixed lect”?

In this article I consider code-switching between Russian and Saami in the Saami community on the Kola Peninsula. Among the existing theoretical approaches to code-switching, the conversation analysis-based approach appears to be most suitable for data under scrutiny. Following Auer’s (1998, 1999) distinction between code-switching proper, language mixing and fused lect, it is argued that some, but not all, forms of mixed Russian-Saami language can function as a conversation structuring devices.

E-mail: David.Pineda@uit.no